Ганс Христиан Андерсен

Серебряная монетка

Жила-была монетка. Она только что вышла из чеканки — чистенькая, светленькая, — покатилась и зазвенела:
— Ура! Теперь пойду гулять по белу свету!
И пошла.
Ребенок крепко сжимал ее в своем тепленьком кулачке, скряга тискал холодными липкими пальцами, люди постарше вертели и поворачивали много раз, а у молодых она не задерживалась и живо катилась дальше.
Монетка была серебряная, меди в ней было очень мало, и вот она целый год гуляла по белу свету, то есть в той стране, где была отчеканена. Потом она отправилась за границу и оказалась последней родной монеткой в кошельке путешественника. Но он и не подозревал о ее существовании, пока она сама не попала к нему в пальцы.
— Вот как! У меня еще осталась одна наша родная монетка! — сказал он.
— Ну, пусть едет со мною путешествовать!
И монетка подпрыгнула от радости и зазвенела, когда ее сунули обратно в кошелек. Тут ей пришлось лежать со своими иностранными сородичами, которые все сменялись — одна уступала место другой, ну а она все оставалась в кошельке. Это уже было своего рода отличие!
Прошло много недель. Монетка заехала далеко-далеко от родины, сама не знала куда. Она лишь слышала от соседок, что они француженки или итальянки, что они теперь в таком-то и таком-то городе, но сама она ни о чем и представления не имела: не много увидишь, сидя в кошельке, как она! Но вот однажды монетка заметила, что кошелек не закрыт. Ей вздумалось хоть одним глазком поглядеть на мир, и она проскользнула в щелочку. Не следовало бы ей этого делать, да она была любопытна, ну, и это не прошло ей даром. Она попала в карман брюк. Вечером кошелек из кармана вынули, а монетка осталась лежать, как лежала. Брюки вынесли для чистки в коридор, и тут монетка вывалилась из кармана на пол. Никто этого не слыхал, никто этого не видал.
Утром платье опять забрали в комнату, путешественник оделся и уехал, а монетка осталась. Вскоре ее нашли на полу, и она вновь должна была пойти в ход вместе с тремя другими монетами.
"Вот хорошо-то! Опять пойду гулять по свету, увижу новых людей, новые нравы!" — подумала монетка.
— А это что за монета? — послышалось в ту же минуту. — Это не наша монета. Фальшивая! Не годится!
С этого и началась история, которую она сама потом рассказывала.
— "Фальшивая! Не годится!" Я вся так и задрожала! — рассказывала она.
— Я же знала, что я серебряная, чистого звона и настоящей чеканки. Верно, ошиблись, думаю, не могут люди так отзываться обо мне. Однако они говорили именно про меня! Это меня называли фальшивой, это я никуда не годилась! "Ну, сбуду ее с рук в сумерках!" — сказал мой хозяин и сбыл-таки. Но при дневном свете меня опять принялись бранить: "Фальшивая!", "Не годится!", "Надо поскорее сбыть ее с рук!"
И монетка дрожала от страха и стыда всякий раз, как ее подсовывали кому-нибудь вместо монеты той страны.
— Ах я горемычная! Что мне мое серебро, мое достоинство, моя чеканка, когда все это ничего не значит! В глазах людей остаешься тем, за кого они тебя принимают! Как же ужасно и вправду иметь нечистую совесть, пробиваться в жизни нечистыми путями, если мне, ни в чем не повинной, так тяжело только потому, что я кажусь виновной!.. Всякий раз, как я перехожу в новые руки, я трепещу взгляда, который на меня упадет: я знаю, что меня сейчас же швырнут обратно на стол,

словно я какая-нибудь обманщица!
Раз я попала к одной бедной женщине: она получила меня в уплату за тяжелую поденную работу. Ей никак не удавалось сбыть меня с рук, никто не хотел меня брать. Я была для бедняги сущей напастью.
"Право, поневоле придется обмануть кого-нибудь! — сказала женщина. — Где мне, при моей бедности, держать фальшивую монету! Отдам-ка ее богатому булочнику, он-то не разорится от этого, хоть и нехорошо это, сама знаю, нехорошо!"
"Ну вот, теперь я буду лежать на совести у бедной женщины! — вздохнула я. — Неужто я и впрямь так изменилась под старость?"
Женщина отправилась к богатому булочнику, но он слишком хорошо разбирался в монетах, и мне не пришлось долго лежать там, куда меня положили: он швырнул меня в лицо бедной женщине. Ей не дали за меня хлеба, и мне было так горько, так горько сознавать, что я отчеканена на горе Другим! Это я-то, некогда такая смелая, уверенная в себе, в своей чеканке, в хорошем звоне! И я так пала духом, как только может пасть монетка, которую никто не хочет брать. Но женщина принесла меня обратно домой, поглядела на меня добродушно и ласково и сказала:
"Не хочу я никого обманывать! Я пробью в тебе дырку, пусть каждый знает, что ты фальшивая... А впрочем... Постой, мне пришло на ум — быть может, ты монетка счастливая? Наверно, так! Я пробью в тебе дырочку, продерну шнурок и повешу тебя на шею соседкиной девочке — пусть носит на счастье!"
И она пробила во мне дырочку. Не особенно-то приятно, когда тебя пробивают, но ради доброго намерения многое можно перенести. Через дырочку продернули шнурок, и я стала похожа на медаль. Меня повесили на шею малютке, и она улыбалась мне, целовала меня, и я всю ночь провела на тепленькой невинной детской груди.
Утром мать девочки взяла меня в руки, поглядела и что-то задумала... Я сейчас же догадалась! Потом взяла ножницы и перерезала шнурок.
"Счастливая монетка! — сказала она. — А ну посмотрим!" И она положила меня в кислоту, так что я вся позеленела: потом затерла дырку, немножко почистила меня и в сумерках пошла к продавцу лотерейных билетов купить билетик на счастье.
Ах, как мне было тяжело! Меня точно в тисках сжимали, ломали пополам! Я ведь знала, что меня обзовут фальшивой, осрамят перед всеми другими монетами, что лежат и гордятся своими надписями и чеканкой. Но нет! Я избежала позора! В лавке была такая толпа, продавец был так занят, что не глядя бросил меня в выручку, к другим монетам. Выиграл ли купленный на меня билет, не знаю, знаю только, что на другой же день меня признали фальшивой, отложили в сторону и опять отправили обманывать — все обманывать! Ведь это просто невыносимо для честной натуры — ее-то уж у меня не отнимут! Так переходила я из рук в руки, из дома в дом больше года, и всюду-то меня бранили, всюду-то на меня сердились. Никто не верил в меня, и я сама разуверилась и в себе и в людях. Тяжелое выдалось для меня время!
Но вот однажды явился путешественник; ему, конечно, сейчас же подсунули меня, и он был так прост, что взял меня за тамошнюю монету. Но когда он, в свою очередь, хотел расплатиться мною, я опять услышала крик: "Фальшивая! Не годится!"
"Мне дали ее за настоящую! — сказал путешественник и вгляделся в меня пристальнее. И вдруг на лице его появилась улыбка. А ведь, глядя на меня, давно уже никто не улыбался. — Нет, что же это! — сказал он. — Ведь это наша родная монетка, хорошая, честная монетка моей родины, а в ней пробили дырку и называют ее фальшивой! Вот забавно! Надо припрятать тебя и взять с собою домой".
То-то я обрадовалась! Меня опять называют доброй, честной монетой, хотят взять домой, где все и

каждый узнают меня, будут знать, что я серебряная, настоящей чеканки! Я бы засверкала от радости искрами, да это не в моей натуре, искры испускает сталь, а не серебро.
Меня завернули в тонкую белую бумажку, чтобы не смешать с другими монетами и не затерять. Вынимали меня только в торжественных случаях, при встречах с земляками, и тогда обо мне отзывались необыкновенно хорошо. Все говорили, что я очень интересна. Забавно, что можно быть интересной, не говоря ни слова.
И вот я попала домой. Миновали мои мытарства, потекла счастливая жизнь. Я ведь была серебряная, настоящей чеканки, и мне совсем не вредило, что во мне пробита дыра, как в фальшивой: что за беда, если на самом-то деле ты не фальшивая! Да, надо иметь терпение: пройдет время, и все станет на свои места. Уж в это я твердо верю! — заключила свой рассказ монетка.